

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Антон Орлов

сонхийский цикл:

Пепел Марнейи

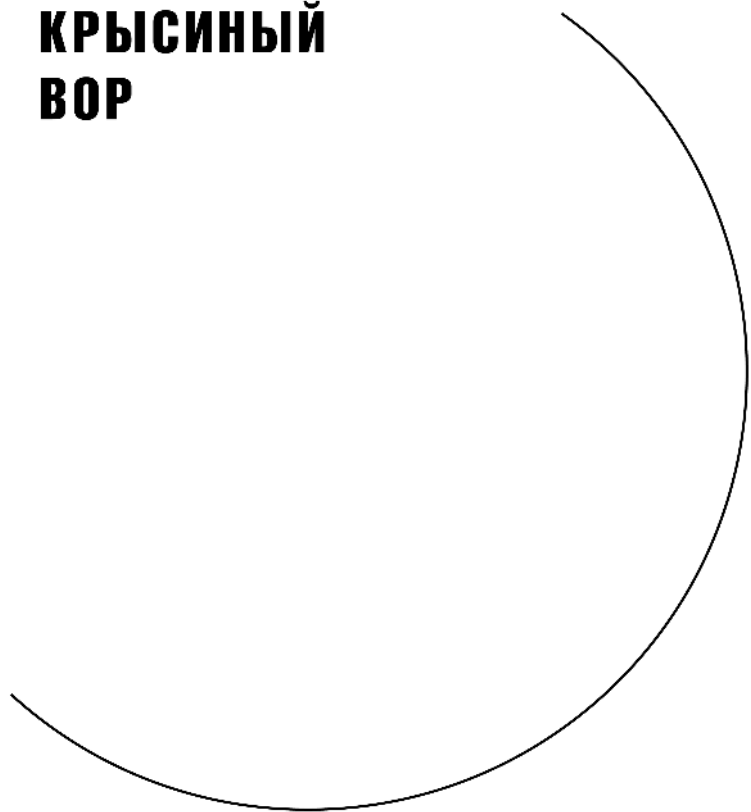
Заклятые пирамиды

Западня для ведьмы

Крысиный вор

Антон Орлов

**КРЫСИНЫЙ
ВОР**

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Разработка серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Орлов, Антон.

О-66 Крысиный Вор / Антон Орлов. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 640 с. — (Русский фантастический боевик).

ISBN 978-5-699-82632-2

В мире Сонхи опять неспокойно — но разве может быть иначе? Слишком много здесь колдовства и противоположных интересов. Борются за влияние магические организации, строит козни волшебный народец, плетет интриги древний маг Тейзург, рвутся в мир людей демоны Хиалы, вынашивает планы мести повелитель амулетов Дирвен, пытается обрести утраченную гармонию песчаная ведьма Хеледика, а бывший Страж Мира, вернувшийся домой после долгого отсутствия, объявляет войну местным террористам. Да еще Госпожа Вероятностей ведет свою игру, втягивая в нее всех, кто попадаетея на пути, и чем ее игры закончатся — она и сама не знает.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82632-2

© Орлов А., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

ЗАСНЕЖЕННАЯ ТРОПА

Луну он вначале принял за фонарь, такая она была большая, круглая, желтая, да еще висела низко, в просвете между двух черепичных крыш.

С полчаса погуляю — и вернусь.

Эта мысль сопровождала его замирающим эхом. Разумеется, через полчаса он вернется туда, откуда пришел.

Туда — это куда?..

Похоже, он упустил из виду что-то важное, но связанное с этим смутное беспокойство не мешало восхищенно озираться по сторонам: слякотная ночная Аленда была прекрасна.

Темень. Под ногами хлюпает. Из клубящихся в небе туч сеется мокрый снежок. Дома как будто сотканы из теней, лишь кое-где тускло светятся окошки в частых переплетах.

Ночь за порогом его не остановила: если дожидаться, когда над Алендой взойдет солнце, недолго опоздать на работу. Как обычно, затянул с отчетом, который сегодня сдавать, последний срок. Лучше два десятка боевых операций, чем один полновесный отчет по установленной форме. Бюрократическая тягомотина наводила тоску, и в придачу невтерпеж хотелось прогуляться по этому городу, не мог он больше сопротивляться и откладывать.

Через полчаса я должен вернуться домой. Домой?.. Но ведь я уже вернулся! Наконец-то я дома, в Сонхи, до чего же здесь хорошо...

Похолодало, в воздухе закружились снежинки. Скользко. Зато выбеленная пушистым снегом Аленда больше не пряталась под непроглядными ночными вуалями. Теперь

можно было рассмотреть и обережный орнамент на стенах, и украшенные лепниной балконы, похожие на замороженные белые цветы, и улыбающиеся маски воровского бога Ланки на обшарпанной храмовой ограде, и обросшие бородками сосулк рыла водосточных труб, и узорчатые кованные кронштейны с вывесками лавок и мастерских. Заиндевевшая черепица на крышах в лунном свете переливалась алмазами. Самая настоящая зимняя сказка, так и должно быть... Только на этих обледенелых улицах надо смотреть под ноги, а то недолго поскользнуться.

Он не поскользнулся. Его сшибла с ног громадная собака — спасибо, что в наметенный сугроб, а не на мостовую. Это была не атака: невесть откуда взявшийся, словно в мгновение ока слепившийся из снежных хлопьев пес заливался приветственным лаем, делая паузы лишь для того, чтобы облизать ему лицо.

От этой возни в сугробе он мигом согрелся, хотя перед тем начал замерзать. Пусть оделся тепло, все равно перепад температуры тот еще.

Что за перепад температуры, почему? И полчаса уже истекло, даже больше... Куда я собирался вернуться через полчаса?..

На секунду его охватила растерянность, мелькнула холодящая мысль, что он сделал ошибку — *прошел по тропе, которую тут же замело снегом*, и теперь ему не найти обратной дороги.

Впрочем, ничего страшного. Он же в Сонхи. Он дома.

Вислоухий белый пес продолжал скакать вокруг и ластиться, оглашая окрестности радостным лаем. Пахло от него не псиной, а морозными просторами.

— Погуляешь со мной по городу?

Это предложение было с восторгом принято, и дальше они пошли вместе.

Светало, из бесчисленных труб поднимались в розовеющее небо дымки, и все больше окон наливалось мутноватым янтарным сиянием — Аленда просыпалась. Человек и собака бродили по булыжным улочкам, оставляли первые

цепочки следов на пустынных в такую рань заснеженных бульварах, переходили по горбатым мостикам через темные незамерзшие каналы. Он никогда раньше не бывал в Аленде, но то ли уже видел ее на чьих-то рисунках, то ли ему о ней рассказывали... Главное, что он наконец-то здесь. Теперь бы еще вспомнить название своей улицы и номер дома.

Когда я сюда приехал, я остановился у кого-то или в гостинице? Я ведь должен был где-то остановиться, раз у меня с собой никаких вещей... И откуда я приехал? И откуда незадолго до рассвета ушел гулять, решив, что на полчаса? На работу же опоздаю... Кстати, что у меня за работа?

Эти соображения напоминали пляску искристой снежной пыли в морозном воздухе.

Ладно, начнем по порядку. Меня зовут... Как меня зовут?..

Вот это уже слишком. Одно дело — отправиться на прогулку и заблудиться, и совсем другое — забыть собственное имя. Притом что он знает имя мира — Сонхи, и имя города — Аленда, столица Ларвезы.

Я знаю все, но только не себя... Стихи? Где и когда я их слышал или, может, читал?..

— Ты ведь, наверное, в курсе, где я живу? Идем домой!

Пес глядел на него с восторженным собачьим умилением, склонив большую голову набок.

Мимо прогрохотал запряженный парой лошадок фургон с надписью «Прочие булки», пришлось отступить к стене. Пахнуло свежей выпечкой. Он почувствовал, что проголодался, а у него, по всей вероятности, и денег-то нет... Как ни странно, деньги в карманах нашлись: два кошелька, один с серебряными и золотыми монетами ларвезийской чеканки, другой набит медяками.

— Давай тогда где-нибудь позавтракаем. Мне кофе и бутерброды с колбасой, тебе колбаса без кофе.

Навстречу попадалось все больше прохожих, он с любопытством рассматривал местную одежду и лица, заодно улавливая то, что скрыто за видимостью. Прислуга потянулась за покупками, мелкие чиновники торопились на службу, дворники лопатами сгребали снег и посыпали об-

леденелую мостовую песком из тележек. Серьезный народ, все при деле. Он снова подумал о своей работе, на которую не пошел, потому что где ее искать, эту работу, и на душе стало беспокойно.

Бросилась в глаза вывеска «Чайные бусы», под ней показывалась гирлянда деревянных шариков с нарисованными чашками. Судя по грязной табличке с затейливо начертанными буквами, это была улица Укатившихся Бусин.

Похоже, он оказался первым сегодняшним посетителем. Небольшое уютное помещение озарено светом масляных ламп. Две темноватые гравюры: на одной девушка в развевающихся одеждах догоняет карету на проселочной дороге (понимайте, как хотите — то ли брошенная невеста, то ли проголодавшаяся нежить), на другой представительный мужчина в мантии поражает молнией понурое страшилище.

— Сударь, собачка ваша не кусается? — поинтересовалась хозяйка.

— Думаю, нет. Это не моя собака, на улице пристал. У вас найдется для него кусок колбасы? Я заплачу.

— А если пристал, так на улицу и гоните! Зачем с собой привели?

Он откинул капюшон, и женщина, враз сменив гнев на милость, расплылась в улыбке:

— Ой, ну ладно, пусть вот тут в уголке посидит. Видно, что послушный. Хороший песик! Для вас так и быть уж, будет ему колбаска, а сами чего желаете?

Она меня знает? Вот хорошо, хоть что-нибудь о себе выясню...

— Пожалуйста, сначала чашку кофе, покрепче и со сгущенкой.

— Кофе?! — Выщипанные брови поползли вверх, а потом хозяйка рассмеялась. — Ох вы, шутник! Или небось из приезжих? Подумали, раз приехали в Аленду — тут можно зайти в любое заведение и угоститься кофе? Да я его никогда и не пробовала, и если б оно у нас продавалось, стоило бы таких деньжищ, что человеку экономному на месяц хватит. Зато у

меня есть хороший сиянский чай разных сортов и горячий шоколад, в нынешний морозец в самый раз! А второе, о чем вы сказали — сгущеница какая-то?

Сгущеница, сгущенка... Бесмыслица, но звучит забавно. Он усмехнулся своей оговорке.

— Я имел в виду, сливок погуще.

— А мясного пирога не желаете? Еще горяченький!

Он взял пирог, черный чай с сахаром и сливками, маленькую чашку шоколада. Пес на колбасу даже не посмотрел: не голодные мы.

— Спасибо, очень вкусно. Кажется, я уже заходил к вам в «Чайные бусы»? Может, вчера или позавчера...

Ничего такого ему не казалось, но вдруг приветливая хозяйка что-нибудь о нем знает?

— Ни разу не заходили, а то б я вас запомнила. Вас, сударь, с кем-то другим не спутаешь, волосы уж больно приметного цвета, да и на лицо вы не из тех, на кого поглядишь и тут же долой из памяти. — Она улыбнулась ему с кокетливым одобрением и в то же время чуть покровительственно. — Так что ко мне вы заглянули в первый раз, но уж надеюсь, не в последний. Наверное, где-нибудь по соседству поселились?

— Я не помню, где я живу. Вышел погулять по городу и забыл, куда я должен вернуться.

— Если вы скажете, как вас зовут, я пошлю девчонку расспросить у знакомых...

— Как меня зовут, я тоже не могу вспомнить.

— Это значит, вы головой на гололеде ударились, вот у вас память-то и отшибло, жалость какая! Поскользнуться и упасть — обычное дело в эту пору, а вам теперь надо в лечебницу, чтобы вас лекарь посмотрел. Ближайшая будет на улице Нелюбезного Пекаря, и еще одна чуть подальше в другой стороне, в закоулке за площадью Экзорцистов, туда вам надо.

Когда он в предрассветный час вышел за порог, гололеда еще не было, подморозило позже. Это он отлично помнил — как и все остальное, что произошло с ним сегодня утром,

уже после того как некая неведомая сила аккуратно располவிрила его память. Но в лечебницу так в лечебницу. Хотя и не любил он обращаться к лекарям. Никогда не любил.

Найти улицу Нелюбезного Пекаря оказалось не проще, чем решить головоломку. Неширокие бульжные улочки кружили и петляли, к тому же то и дело что-нибудь интересное привлекало его внимание: нарисованные поверх штукатурки или кирпичной кладки обережные узоры (мелькнуло в уме странное бессмысленное словечко «граффити»), причудливые фонари, вывески, флюгера, башенки... Вдобавок приходилось смотреть в оба, чтобы не поскользнуться, не наступить в кучу навоза и не попасть под копыта лошади.

Он то откидывал утепленный капюшон плаща — хозяйка «Чайных бус» сказала, что у него волосы приметного цвета, так, может, кто-нибудь из знакомых узнает его и окликнет — то снова надевал, когда уши начинали мерзнуть.

В конце концов стало ясно, что решить топографический ребус самостоятельно ему не под силу, и он спросил дорогу у проходившего мимо парня в стеганом кафтане и долгополой коричневой рясе. Тот охотно пустился в объяснения: сейчас мы на улице Серебряных Колесниц, и тебе нужно дойти по ней до конца, повернуть направо...

Несмотря на свое название, улица выглядела неказисто: сараи да заборы, за которыми виднелись заснеженные кровли невысоких построек. Еще тут было два обветшалых особняка, украшенных шербатыми скульптурами — сугробы оттеняли грязноватую белизну облезлых стен и арок. Судя по заколоченным крест-накрест окнам, там никто не жил, кроме волшебного народца. Увидеть бы кого-нибудь из этих существ, но те среди бела дня людям не показываются.

Если заглянешь в гости, я тебе их покажу.

Кто ему это обещал?..

Из-за угла появилась женщина в серо-зеленом плаще и торопливым шагом направилась к ним. Из-под вязаной шапочки выбились светлые пряди, симпатичное молодое лицо размянилось от мороза и быстрой ходьбы.

Он с облегчением улыбнулся — наконец появился кто-то, кого он знает! — и назвал ее по имени:

— Зинта!

Впрочем, радость оказалась преждевременной. Зинта утверждала, что они незнакомы, и она никогда его раньше не видела. Вполне может статься, что их пути уже пересекались, ведь она лекарка под дланью Тавше: сколько больных и раненых она исцелила во славу Милосердной, сколько народу в это время стояло рядом — всех не упомнишь. Но его она совершенно точно не знает. И, кстати, с головой у него все в порядке. Никаких следов сотрясения или внутреннего недуга. Скорее всего, он пострадал от какого-то колдовства, и здесь нужна помощь мага, а не лекаря.

Зинта попросила парня в рясе отвести его в гостиницу при монастыре Кадаха Радетеля, а завтра проводить на улицу Розовых Вьюнов, к магу Суно Орвехту, который либо разберется, что с ним случилось, либо подскажет, к кому обратиться за помощью.

Его не покидало ощущение, что они все-таки знакомы, но по какой-то непонятной причине она его не узнает, и если он сумеет это ей объяснить — возможно, недоразумение разрешится... Но тут откуда-то сверху раздался простуженный каркающий голос:

— Эй, а я знаю, кто ты такой! Я все про всех знаю!

Он поднял голову — и замороженно уставился на существо, сидевшее на обледенелой крыше сарая.

Как будто человек начал превращаться в птицу, да застрял на середине, и ни туда, ни сюда. Лысая голова, мутноватые слезящиеся глаза, по-стариковски умные, и мощный длинный клюв, угрожающе загнутый на конце. Голая грудная клетка покрылась от холода гусиной кожей, вместо рук пара больших темных крыльев. Ноги по строению вроде бы человеческие, хоть и заросли перьями, а ступни похожи на чудовищные куры лапы.

В первый момент можно было подумать, что эта несуразная нелюдь носит штаны, но на самом деле туловище ниже пояса, а также бедра и голени сплошь покрывало взъеро-

шенное серовато-черное оперение. Единственный предмет одежды — грязный полосатый шарфик на тощей шее, вряд ли птичеловек исхитрился сам его повязать.

— Что ты обо мне знаешь?

— Все знаю! — Тот спрыгнул с крыши, тяжело хлопнув крыльями и обдав людей смрадом нечищеного птичника. — Я знаю, откуда ты пришел. Знаю, как тебя зовут сейчас и как звали раньше, знаю, почему ты оказался в таком положении. Играем в три загадки? Отгадаешь каждую с трех попыток — скажу тебе истинную правду, не отгадаешь — мозги мои!

Ага, так заведено: если не найдешь правильного ответа, пернатое чудовище долбанет тебя по темени своим страшным клювом и угостится содержимым черепной коробки.

Зинта и монах дружно напустились на оголодавшего искусителя, да еще из-за сугроба выскочил белый пес, перед тем куда-то запропастившийся. Птичеловек бросился бежать, пес с рычанием кинулся за ним, оба скрылись за углом.

— Это был настоящий крухутак?

И так ясно, что настоящий, но он не удержался от бестолково-восторженного риторического вопроса.

— Можно подумать, ты ни одного раньше не видел, — хмыкнула лекарка.

— Не видел, но хотел посмотреть.

Ее серые глаза понятливо сощурилась:

— А может быть, ты иномирец?

Это показалось ему вполне вероятным: если он *вернулся* в Сонхи — значит, он вернулся сюда из какого-то другого места... Думать об этом было трудно, словно искать тропу, которую замело снегом.

Зинта заторопилась по своим лекарским делам, он посмотрел ей вслед с ощущением, что из пальцев выскользывает какая-то очень важная ниточка, которая могла бы вывести его из этого лабиринта «помню — не помню».

Что ж, деваться было некуда, и он отправился в монастырскую гостиницу.

Провожатого звали Джамо. Шуплый, хлопотливый, категоричный. Ему было немногим больше двадцати, монахом он стал недавно, однако рядом со спутником, который с восхищенным жадным любопытством глазел по сторонам, он преисполнился сознанием своей житейской умудренности. Всю дорогу так и сыпал наставлениями. Среди них попадались дельные: например, совет не брать себе абы какое имя, потому что в нынешней ситуации это может привести к тому, что уже никогда не вспомнишь, как тебя назвали при рождении. Но большая часть была из разряда «держись ближе к стене, а то попадешь под лошадь», «держись подальше от стен, а то зашибет сосулькой», «в гостинице не роняй мелкие вещи на пол, а то их чворки съедят».

Монастырь был незатейливый, кирпичный, с арочными нишами, в которых стояли бронзовые статуи Радетеля в одеяниях разных времен и сословий. Справившись, есть ли у гостя деньги, Джамо велел ему сделать «приличествующее пожертвование на храмовые нужды» и проводил в свободную келью.

Никаких изысков, но кровать застелена чистым покрывалом, окно с двойной рамой оклеено бумажными полосками от сквозняков, в углу пышет жаром чугунное полушарие растопленной печки. Над столом книжная полка, дабы постояльцы проводили досуг за полезным чтением: «Как уберечь свой подвал от гнупи», «Кадаховы наставления благотворителю: помоги, но не навреди», «Путевые заметки достопочтенного Зибелдона о жарком мире Ванкис», «Советы юной барышне: как избежать соблазнов столицы», «Размышления и сетования Шаклемонга Незапятнанного о конфузном происшествии с неким амулетчиком и волшебным зверем куджархом». Были тут и романы в завлекательных обложках: «Разумная модистка Нелинса и пираты», «Разумная модистка Нелинса и вурван», «Три разбитых сердца, или Беда неразделенной любви», «Ривсойм — победитель сойгрунов».

Он снял плащ и куртку, оставшись в свитере. Вышел в коридор.

С одной стороны двери, на каждой вместо номера деревянная табличка с изречением. Ему досталось следующее: *«За мудростью не надо ходить далеко. Где бы ты ни был, раскрой глаза, посмотри вокруг — и увидишь многое».*

С другой стороны вереница окон в частых переплетах, с заснеженными карнизами и нависающими сосульками. Во дворе монахи в коричневых рясах выколачивали на снегу ковры с сакральными изображениями.

В конце коридора находилась уборная. Под трубой с краником стояло ведро, и над этим хозяйством еще одна табличка предупреждала: *«Кто за собой не смывает, тот подобен скотине в хлеву и гневит Кадаха».*

Вернувшись в номер, он приступил к ревизии своего имущества. Может, найдется вещь, поглядев на которую получится хоть что-нибудь вспомнить? Да и в любом случае полезно знать, что у тебя есть, в особенности если понятия не имеешь, где твой дом.

Это смахивало на обыск, с той разницей, что обыскивал он самого себя. Кроме пары увесистых кошельков обнаружили кожаные перчатки с теплой подкладкой, расческа, чистый носовой платок, кастет и несколько штук ножей, спрятанных в потайных карманах. Сплошь холодное оружие, но ведь бывает какое-то еще... Ну да, боевые амулеты, огнестрельные ружья и самострелы.

Один из стилетов особенный: небольшой, изящный, с притягательно мерцающими на узком клинке то ли узорами, то ли рунами.

Это для ближнего боя... Или нет, вообще не для боя. Надеюсь, не придется им воспользоваться.

Разложенный на кровати арсенал наводил на интересные выводы касательно его работы. Наемный убийца?.. Догадка ему не понравилась, но в то же время мелькнуло представление, что его когда-то обучали ремеслу такого рода.

Хм, а это что? В потайном кармане куртки обнаружился цилиндрический кожаный футляр, внутри свернутый в трубку документ. Написанная каллиграфическим почерком грамота на бумаге с водяными разводами, с двумя печатями,

сообщала, что за подателя сего гостевая въездная пошлина в ларвезийскую казну уплачена. Надо беречь, вдруг пригодится.

Вновь рассовав находки по карманам, он весь день читал, прерываясь лишь для того, чтобы сходить в трапезную. Питались тут по монастырскому распорядку. Его со страшной силой тянуло в город — побродить еще по улицам Аленды, увидеть побольше, но монахи отговорили: если у тебя нелады с памятью, до консультации с магом лучше никуда не ходи, а то не ровен час, опять что-нибудь забудешь и заблудишься. Он решил обождать до завтра.

Ближе к ночи его охватило беспокойство, которое скорее будоражило, чем угнетало. В окно заглядывала полная желтая луна — это ведь, наверное, она выманила его на прогулку в прошлый раз? Уже наученный горьким опытом, он преодолел искушение и остался в гостинице, а наутро с облегчением обнаружил, что хотя бы вчерашний день помнит во всех подробностях.

После завтрака они с Джамо отправились к Суно Орвехту на улицу Розовых Вьюнов. Было пасмурно, температура около нуля, сугробы раскисли, с крыш капало — обычная для Аленды зимняя погода.

Стоп, что значит — «температура около нуля»? Опять чепуха в голову лезет. Или это сочетание слов все же что-то означает, хотя нипочем не вспомнить, что именно?

От этих размышлений его отвлекло зрелище, открывшееся за очередным поворотом: дворцы всех оттенков белизны, с колоннадами, башнями, воздушными галереями, статуями на фронтонах и золочеными шпилями. Этот великолепный ансамбль раскинулся на добрый десяток кварталов по ту сторону свинцово-серого канала, словно городской мираж, окутанный блеском проглянувшего в прореху меж облаков зимнего солнца.

— Это и есть резиденция Светлейшей Ложи?

— А что же еще? — с гордостью отозвался Джамо.

Улица Розовых Вьюнов находилась неподалеку от этого средоточия магии и власти. Возле нужного дома стояло